005050803

На правах рукописи

АНЧАБАДЗЕ Юрий Дмитриевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩИННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – 1920-е гг.)

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

21 MAP 2013

Москва
2013

Диссертация выполнена в Отделе Кавказа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая Российской академии наук

Официальные оппоненты

Бгажноков Барасби Хачимович - доктор исторических наук, профессор, директор Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН;

Карпов Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии народов Кавказа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН;

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Ведущее учреждение – кафедра этнологии Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 9 апреля 2013 г. в 14 ч. 30 м. на заседании диссертационного совета Д 002.117.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН по адресу: Москва, Ленинский просп., 32 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИЭА РАН по адресу: Москва, Ленинский просп., 32 а.

Автореферат разослан «7» марта 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук А.Е. Тер-Саркисянц

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа направлена на изучение политической культуры адыгов Северного Кавказа. Будучи одной из форм соционормативной субсистемы, сфера политического реализуется в многообразных организационных, социокультурных, идеологических и иных институциях, оставаясь одним из важнейшим механизмов поддержания жизнедеятельности социума.

Актуальность темы исследования

Любой социум обладает многообразным социально историческим опытом институализации политической жизни, которая включает в себя такие компоненты как механизмы властвования и управления, сопутствующие им социальные институты, действующие нормы межгрупповых (внутри и вне социума) отношений, специфические особенности политических установок и ориентаций, характерные для индивидов, общественных групп, социума в целом и т.д.

Для этнографии уже длительное время характерен интерес к той сфере этнической культуры, которая охватывает политические аспекты ее существования и функционирования. Правда, первоначально накопление материала и его анализ проводились как бы вслепую, так как конкретная исследовательская зона угадывалась более интуитивно, чем аналитически, скорее под влиянием сложившихся научных традиций, чем в результате строгих логических операций, так как теоретическое осмысление проблемы и прежде всего определение предметного содержания понятия «политическая культура», границ его этнографического изучения, объема и компонентной структуры и т.д. несколько задержалось. Недаром Ж. Баландье говорил о «политической антропологии» как о запоздалой специализации социально-антропологической науки.

В то же время ее, как было сказано, давний интерес к политическим аспектам этнической культуры вполне закономерен. Дело в том, что политическая культура, являясь сложным, многослойным социальным феноменом, детерминируется не только факторами экономического и политического характера, но в немалой степени и социокультурными. Различный социокультурный опыт этнических общностей в конечном счете обуславливает неодинаковость протекания типологически сходных социально-экономических и политических процессов в различных регионах. Этнические факторы часто становятся движущей силой политического процесса, а политическое развитие в ряде существенных аспектов оказывается тесно сопряженным с этнокультурными детерминантами. Поэтому историко-этнологическое изучение политической культуры представляет весьма интересную научную задачу.

Первоначально предметная зона «политического» была включена исключительно в сферу философского и общесоциологического знания, в рамках которого был выработан основной корпус понятийной терминологии. Со временем вычленилось и новое научное направление – политология, в котором понятие «политическая культура» стало одним из стержневых. При этом появились два важных аспекта развития мировой политологии: а) она никогда не отрицала возможности и даже необходимости междисциплинарного подхода к объекту своего исследования; б) все более характерным становилось стремление к широкому географическому и хронологическому контексту исследований. Именно в этом локусе общенаучного пространства политология соприкасается с этнологией, для которой традиционен интерес к той сфере этнической культуры, которая охватывает политические аспекты общественного аспекты общественного быта.

Названная проблема весьма интересна в своих этнорегиональных срезах, в частности чрезвычайно актуальным представляется изучение политической культуры народов Северного Кавказа это крайне актуальная научная задача. Общеизвестно, что Северный Кавказ является сегодня зоной повышенной

политической активности. Протекающие здесь процессы поставили новую российскую государственность перед лицом серьезных испытаний, преодолеть которые пока не удается. При этом очевидно, что основной стержень деструкции лежит в сфере кризисного развития этнополитического роля. Отсюда вытекает насущная необходимость адекватно познать это поле, уяснить его специфические черты и характеристики, что, возможно, предостережет в будущем от многих ошибок государственной и общественной стратегии в Северокавказском регионе.

Одна из них - это представления об абсолютной однотипности, идентичности, тождественности форм политической культуры у народов региона. Это не соответствует наблюдаемым фактам: в одних случаях политические процессы на Северном Кавказе носят деструктивный характер, в других – укладываются в рамки общероссийского политического развития, политические устремления разных северокавказских народов зачастую имеют разнонаправленное целеполагание, периодически распространяющиеся идеи регионального интегризма так и не находят практического воплощения и т.д. Очевидно, что этнический, языковой, конфессиональный плюрализм обусловил и многообразие локально-этнических форм политической культуры. Конкретные пути формирования этого многообразия не совсем ясны, но бесспорно, что корни лежат в этнокультурных детерминантах исторического прошлого каждого конкретного народа.

Это делает научно значимым и интересным изучение феномена политической культуры народов Северного Кавказа.

Степень разработанности темы

Изучение политической культуры этноса на адыгском и шире - кавказском историко-этнографическом материале - в отечественном кавказоведении проблема новая, еще не сформулированная в качестве специальной исследовательской задачи. Таким образом, налицо явное отставание данного регионального ответвления этнографической науки от общих тенденций

развития научного знания, хотя это беда не только кавказоведения, но и всей нашей науки, в которой исследования политической культуры еще не развернулись в полной мере.

Причина этого в том, что теоретическое вычленение предметной области этнополитических исследований произошло сравнительно поздно даже в зарубежной этнологии, где, собственно говоря, появились первые исследования данной тематики. На рубеже 1980-х годов понятие «потестарная и политическая этнография» было введено в понятийный аппарат и отечественной науки. Л.Е. Куббель дефинировал данное понятие, указал на его характеристические черты, дал примеры методологического и конкретно-этнографического подхода к изучению этой сферы этнического бытия. Однако хронологические и формационные рамки предметного поля были сужены представлением о том, что главный исследовательский интерес политической этнографии лежит в области изучения потестарных отношений в доклассовых и раннеклассовых обществах. Характерно, что к тому времени в западной этнологии происходило расширение семантического поля этого термина, в пределы которого включались общества более высокого формационного уровня. Однако в нашей этнографии утвердилась вышеизложенная позиция Л.Е.Куббеля, поэтому все проводившиеся этнополитические исследования не выходили за определенные рамки.

Существовал еще один тормоз – идеологический. Дело в том, что термин «политика» в советские десятилетия был предельно идеологизирован, поэтому его «свободное» толкование и применение были связаны с известными трудностями, вплотную подводившими к опасности впасть в некую крамолу. В марксистской теории политика рассматривалась как важнейший атрибут межклассовых антагонистических отношений, порожденных соответствующим социально-экономическим базисом. Рассмотрение политических отношений вне этого постулата, по понятным причинам, было невозможно. Тем более было невозможно рассмотреть политическую культуру советских народов.

Объявленная в СССР ликвидация эксплуататорских классов, декларированное отныне мирное сотрудничество всех классов и социальных прослоек в борьбе за построение коммунизма делали бессмысленным этнополитические исследования на этнографических материалах народов нашей страны.

В то же время было бы совершенно неверно думать, что этнополитическая тематика была вовсе исключена из поля зрения отечественной этнографии. Истории науки хорошо известно, что дефинирование конкретного предмета исследования – в данном случае политической этнографии – редко когда предшествует направленной научной работе. Более того, возможность дефинирования наступает тогда, когда исследовательская практика уже поставила специфические сюжеты, вопросы, темы, когда поисковая работа накапливает знания о некоей области этнической культуры, уточняет и детализирует подлежащие объекты изучения, их место и взаимосвязи в социальной системе. Полученный объем знаний позволяет вычленить и дефинировать соответствующее исследовательское поле, после чего научная работа возможна на более высоком понятийном, концептуально-методологическом и эвристическом уровнях.

С этой точки зрения можно сказать, что изучение политической культуры народов Кавказа, в частности адыгов, уже имеет определенные историографические традиции. Однако необходимо сделать два замечания. Первое: данная сфера адыгской культуры изучалась не как таковая, а в рамках других исследовательских задач, более или менее близко стоящих к рассматриваемому предмету. Второе: историко-этнографическая специфика политической сферы адыгской культуры изучена крайне неравномерно, прежде всего хронологически.

Основное внимание исследователей было сосредоточено главным образом на периоде, охватывавшем завершающий этап традиционного этнополитического развития адыгов, предшествовавшим Кавказской войне и их

инкорпорации в состав Российского государства. Значительный вклад в историографию данной проблемы внесли Г.А. Кокиев, В.К. Гарданов, Н.Х. Тхамоков, М.В. Покровский, Е.Дж. Налоева, Х.М. Думанов и др. Важнейшим этапом аналитического осмысления темы стали работы В.Х. Кажарова и, в первую очередь, его обобщающая монография «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII-начале XIX века» (Нальчик, 1994).

На фоне значительной по объему исследовательской работы по изучению традиционных форм властвования и управления у адыгов последующие хронологические периоды истории и антропологии их политической культуры исследованы в меньшем объеме. В то же время и на этом исследовательском направлении имеются впечатляющие успехи, представленные работами Х.М. Бербекова, Б.М. Джимова, У.А. Улигова, Р.Х. Гугова, Ж.А. Калмыкова, В.Х. Кажарова, А.Х. Борова, Х.Б. Мамсирова, И.Л. Бабич, Д.Х. Мекулова, Н.Ф. Бугая, Д.Н. Прасолова, М.В. Дышекова и др.

Автор в своей работе опирался на публикации предшественников, однако попытался сформулировать самостоятельные цели и задачи исследования, направленные на конкретное изучение политической культуры адыгов.

Цели и задачи исследования

Поставленные цели исследования состоят в изучении политической культуры адыгов как целостной системы и ее эволюции в процессе исторических, формационных, социально-экономических и социокультурных трансформаций. Специфика этнотерриториального размещения адыгов обусловила цель рассмотрение материала на примере двух обособленных групп этноса – восточной (кабардинцы) и западной (адыгейцы) с анализом характеристических особенностей политической и социокультурной жизни обеих частей адыгского этнического массива. Важность изучения динамики развития политической культуры обусловила хронологические границы исследования, охватывающие период со второй половины XIX в. до 1920-х гг.

Нижняя хронологическая граница связана с эпохой преобразований 1860–1870-х гг. (земельная и административная реформы, освобождение зависимых сословий, преобразование судебной системы и др.), верхняя – с глобальными социально-экономическими трансформациями начального советского периода. В обоих случаях адыгский социум оказался перед необходимостью выработки новых адаптационных стратегий в хозяйственной, политической и культурной сферах бытия. Изучение конкретных путей, способов и механизмов приспособления общины и социума к изменяющимся условиям общественно-политического быта составляет еще одну важную целевую установку исследования.

Цели исследования предопределили его задачи, которые составляют несколько взаимосвязанных позиций: определение содержания понятия «политическая культура»; описание и анализ организационных форм политической культуры адыгов в условиях менявшегося государственного строя; выявление основных нормативных установок, формировавших официальные и неформальные стратегии политического поведения; анализ духовной составляющей политической культуры в комплексном сочетании политического знания и политического сознания.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведено комплексное исследование такой сферы соционормативной и гуманитарной культуры адыгов, как политическая культура, представленной во всех ее сферах и компонентах. Материал исследования проанализирован в хронологических рамках, связанных с кардинальными изменениями в политической и социально-экономической жизни адыгов, что дало возможность увидеть характер и закономерности трансформации основных компонентов политической культуры. Впервые выявлены характеристические черты политической культуры, связанные с анализом соотношений политического знания и сознания, форм политического поведения, официального и формального

политического лидерства и др. Автор предпринял концептуальный анализ понятия «политическая культура» и предложил собственное понимание этого концепта. Исследование основано на массиве выявленных автором источников, прежде всего архивных, которые впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая и практическая значимость работы

Наука не может развиваться без постоянного расширения исследовательского поля, без привлечения и введения в научный оборот новых категорий и видов источников, уточнения понятийно-терминологического аппарата. Наращивание новых материалов на каждом этапе дает возможность концептуального осмысления добытых фактов, установление причинно-следственных связей между явлениями действительности, определение закономерностей и специфики исторического процесса. В работе определены теоретические подходы к определению понятия «политическая культура», его основное содержание, определены источники для изучения данной сферы культурной деятельности.

Практическое применение результатов исследования дает возможность четче представить специфику современного развития политического процесса в регионе, понять особенности проявления политического фактора в конкретной деятельности масс и индивидов, обрамленной соответствующей риторикой и идеологией. Это тем более важно, что, как отмечено в ряде исследований, рубеж веков ознаменован появлением определенных социокультурных новаций, связанные в частности с ревитализацией и актуализацией традиционных (порой патриархальных) элементов политической культуры и идеологии, которые находят функциональные ниши в сегодняшней действительности. Наблюдается возрождение казалось бы прочно забытых общественным сознанием социальных форм, идей и установок, которые сознательно культивируются, активно влияя при этом на основные параметры формирующейся современной политической культуры народов Северного

Кавказа. Знание исторических форм и реалий этой сферы общественной деятельности и массового сознания даст возможность адекватно реагировать как положительную, так и негативную динамику социально-политического процесса.

Материалы и выводы работы можно использовать при написании конкретно-исторических и обобщающих исследований по истории и этнографии региона, в текстах для научно-популярных и просветительских изданий. Выводы и факты могут быть представлены в лекционных курсах по истории, этнографии и политологии региона, а также в обобщающих лекционных курсах кросс-культурного характера; в частности, автор использует материалы и выводы настоящей работы в курсе «Этнография народов мира», который на протяжении ряда читает в Российском университете дружбы народов.

Методология и методы исследования

В процессе работы над настоящим исследованием автор опирался на комплекс методологических принципов, апробированных и институированных в отечественной гуманитарной науке.

Принцип историзма определил подход к материалам и фактам не как к изолированным во времени и пространстве элементам, а как к реалиям исторической действительности, отражающим закономерности развития историко-культурного процесса. Принцип историзма требовал рассматривать явления и факты не в статике их фиксации источником, а в динамике темпоральных трансформаций, тесно связанных с конкретно-историческими условиями их существования и функциональной нагрузки.

Принцип диалектического подхода выявил взаимообусловленность явлений историко-этнографической действительности, закономерности актуализации специфических форм исторической деятельности на конкретных этапах исторического развития. Диалектический подход дает понимание основных путей эволюции политической сферы культуры, для которой

характерна не линейная динамика развития, а сложное сочетание количественных и качественных изменений, конкурентная борьба новационных и традиционных черт, различные формы репрезентаций политической деятельности и концептов массового политического сознания.

Разделяя понимание культуры как способа человеческой деятельности, автор опирался на принцип антропологизма. Политические аспекты быта детерминируются не только базисными основаниями социально-экономического и государственного устройства общества. Принцип антропологизма дает возможность рассмотреть сферу политического как пространство индивидуальной воли и действия, которые наряду с объективными условиями существования социума, формируют историческую специфику политической культуры.

Положения, выносимые на защиту

– Политическая культура - это способы и механизмы адаптации социума к социально-политическим условиям жизнедеятельности, поддержания социального мира и стабильности общины в историческом пространстве ее существования. Антропологическое измерение политической культуры включает в себя систему и организацию процесса принятия властных и управленческих решений, сложившуюся иерархию доминирования и взаимодействия властных лидеров и авторитетов, нормативные институты, вырабатывающие соответствующие стратегии политического поведения, ментально-психологические установки, детерминирующие индивидуальные и массовые политические представления, которые принимают формы политического сознания и политического знания.

– Социально-политическая жизнь пореформенной и дореволюционной адыгской общины определялись, с одной стороны, включенностью этой территориальной единицы в систему низового административного аппарата Российской империи, с другой, - не потерявшими своей актуальности традиционными общинными нормами самоуправления, тесно связанными со

сложившимся в рамках аульной общины иерархией социальных и властных авторитетов, определявшейся личным статусом индивида – социальным, имущественным, возрастным, гендерным и т.д.

– Политическая сфера быта пореформенного адыгского аула регулировалась тремя нормативными системами. На рубеже 1860-1870-х гг. в действие было введено «Положение об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». С некоторыми последующими изменениями, носившими частный характер, это «Положение» определяло административно-судебную жизнь аульных обществ вплоть до 1917 г. С другой стороны, в общественной жизни весьма сильны были глубоко укорененные в народном сознании обычноправовые (адатные) нормы. Соответствующую роль играли шариатские установления. В целом эти нормативные системы удерживали общину в функциональных рамках, обеспечивая устойчивость и динамику ее политического быта.

– Основной организационной управленческой структурой общины был сход жителей, который был введен в институциональные рамки имперского законодательства. Функционирование схода, принимаемые им решения, их легитимация зависела от традиционной системы сложившихся социальных связей и отношений, определявших основные сферы жизненных интересов крестьянства. Вопросы, обсуждаемые на сельском сходе, охватывали основные сферы жизненных интересов крестьянства, однако в реальной управленческой практике сложилась их четкая иерархия.

– Система политических институтов адыгской общины опиралась на сложившийся баланс властных авторитетов, соотношение формального и неформального лидерства, административные установления, в рамках которых протекало взаимоотношения с вышестоящими властными учреждениями. Данная система вполне успешно обеспечивала принятие управленческих решений, их реализацию и контроль за соблюдением. Она эффективно структурировала внутриобщинные связи, консолидировала членов общины, давала возможность представлять солидарные интересы во внешнем мире.

Нарушение системы вызывали конфликты, как внутри общины, так и во взаимоотношениях с внешними контрагентами. Заинтересованная в сохранение социального мира община обладала большим спектром возможностей для возвращения ситуации в нормативное русло.

– Ментально-психологические аспекты политической культуры отражали эндогенные традиционные представления и социальные идеалы, среди которых важнейшие место занимали мир и спокойствие во внутренней жизни общины, коммунализм и солидарность в структуре повседневной жизни, признание социальной иерархии и системы властных авторитетов, которые корреспондировали с представлениями о наборе социальных и личностных качеств индивида, претендовавшего на властное лидерство в общине. В экзогенное поле политической ментальности включался набор знаний и представлений, которые динамично осваивали и адоптировали новые понятия и смыслы социально-политических реалий, лежащих вне общинного пространства, таких как безусловное признания своего российского подданства, использования этничности как политического ресурса и др.

– Социалистическая модернизация 1920-1930-х годов стала периодом коренной ломки социально-политических устоев адыгского села, внесла значительные изменения в этносоциальный и социокультурный быт местного населения. Это потребовало от него немалых усилий для структурной адаптации к новым условиям общинной и общеэтнической жизни, оптимизации механизмов приспособления этнического социума к новым условиям жизнедеятельности.

– Наиболее существенной реорганизации подверглись организационные формы управленческого аппарата общины, в результате чего местные советы и партийные органы получили доминирующее влияние на хозяйственную и социо-политическую жизнь села. Но по существу в адыгском ауле установилось двоевластие, поскольку традиционные институты в лице сходов практически до середины 1930-х гг. продолжали оставаться в сознании народных масс легитимными органами самоуправления, решения которых

порой превосходили по своей значимости распоряжения советов. Институированные советской властью многочисленные новые организационные структуры – ячейки (партийные, комсомольские), комитеты (партийные, бедноты, сочувствующих) и др., утверждение новой иерархии общественных авторитетов, внедрение новых идеологических доктрин дифференцировали и фрагментировали политическое поле общины, способствовали нарастанию конфликтогенности общественной жизни.

– Эволюция традиционных общинных институтов протекала не одинаковыми темпами. Разрыв между традиционной и новационной нормативной и риторикой политической сферы порождал разрывы в социальной ткани общинной организации. Наиболее острые и политизированные формы принимали проблемы изменения статуса частной и общинной собственности, формы и условия представительства в местных и иных органах власти, дискриминационные ограничения для категорий граждан, гендерный (женский) вопрос, подавление религиозной идентичности и др. Составной частью политической культуры стали протестные настроения, находившие выражения как в пассивных формах (диалог с властью, неучастие, стихийный саботаж), так и в активных проявлениях (индивидуально-личностных, коллективных, массовых, гендерных). Затухание в дальнейшем протестных традиций связано с укреплением административно-политической системы колхозного строя и ужесточением репрессивной политики государства, подавлявшей любые формы проявления недовольства и сопротивления в крестьянской среды.

– Политическая сфера этнической культуры адыгов претерпела значительные трансформации за рассмотренный хронологический период. Основное содержание ее исторической эволюции составили взаимодействие и взаимовлияние процессов развития, зарождения, институализации, с одной стороны, и стагнации, деформации и элиминирования форм культуры, с другой. Протекавшие процессы принимали как динамический, так и конфликтный характер. Это зависело не только от прямого или косвенного воздействия государственного аппарата, но в значительной степени определялось

возможностями, способами и механизмами социо-культурной адаптации, составляющих неотъемлемую особенность адыгской этнической культуры.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность результатов исследования определяется фундированностью источниковой базы. Основную категорию источников настоящей работы составили архивные материалы. Главный массив документов был выявлен в архивохранилищах региона, в частности в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики, в Центральном государственном архиве Республики Адыгея, в Центре документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Документальные источники по теме были выявлены также в Государственном архиве Российской Федерации и в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Привлеченный для исследования корпус документов представляет разнообразные их виды и категории. Это протоколы аульных собраний, заседаний сельсоветов; материалы по выборам должностных лиц аульного и сельского управления; рапорты, докладные записки, распоряжения, разъяснения, заявления и т.п. материалы, составлявшие переписку между аульными правлениями, позднее сельсоветами, с вышестоящим административным начальством (уездным, окружным, районным, областным); прошения, заявления, жалобы, письма крестьян, направлявшиеся как в местные (аульные, сельские) власти, так и в органы более высокого административного уровня; другие документы, отразившие властно-управленческие аспекты жизнедеятельности общинной жизни и связанные с ними атрибуты бытовой повседневности. Важную категорию документов 1920-1930-х гг. составили материалы партийных и советских инстанций.

Документальные свидетельства истории и этнографии адыгов ныне пребывают не только в виде единиц хранения архивных фондов. Активная исследовательская и публикаторская работа историков и архивистов Кабардино-Балкарии и Адыгеи дала замечательные результаты в виде

сборников, на страницах которых собраны тематические подборки документов, выявленных в архивохранилищах, прежде всего в ЦГА КБР и ЦГА РА. Укажем наиболее значительные и ценные публикации этого рода: «За власть советов в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1957), «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации (1917–1922)» (Нальчик, 1963), «Революционные комитеты Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочению Советской власти и организации социалистического строительства» (Нальчик, 1968), «Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1983), «Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее» (Майкоп, 1980), «Органы государственной безопасности и общество» (Нальчик, 2007) и др.

В целом, документальные источники составили фундированную фактологическую основу исследования в рамках поставленных целей и задач.

Другой задействованной в работе категорией источников были материалы периодической печати. Были просмотрены de visu издания, выходившие в регионе до 1917 г. Это газеты «Кубанские областные ведомости», «Терские ведомости», «Кавказ», а также газеты советского периода – «Карахалк», «Кабардино-Балкарская беднота», «Красное знамя», журналы «Революция и горец», «Жизнь национальностей» и др. Из всего многообразия материалов периодической печати внимание обращалось в том числе на информацию хроникального характера. На страницах газет эта информация может иметь различную жанровую форму: заметки, репортажи, корреспонденции с мест, письма читателей, статьи – редакционные и авторские, сообщения, объявления и др.

Интегральной объединяющей этих материалов для нас было наличие в них информации о повседневной жизни адыгского аула. Описания внешне незначительных событий, которые порой занимают на газетной полосе 3-4 строчки хроникальных сообщений, могут нести чрезвычайно важные сведения об интересующем нас сюжете, причем детали этой информации могут

существенно дополнить архивные документальные тексты, в которых в силу специфики составления и написания официальных бумаг данные детали могут просто не прочитываться. Это наглядно видно в случае, когда в распоряжении исследователя находится два источника информации об одном и том же предмете, событии, явлении и т.д. – архивный документ и газетное сообщение. Последнее обычно выступает очень важным дополнением к архивному сообщению, и именно в этой «дополнительности» обычно состоит важное источниковое значение материалов периодической печати.

С другой стороны, газетные материалы ценны тем, что запечатлевают события, которые часто вообще не присутствуют в архивной документации. Появление последней в любом случае вызываются некими «официальными» причинами. Газетные же заметки – принадлежат ли они перу командированного журналиста, или являются плодом писательского рвения корреспондента с мест – во многом ситуативны, а потому несут такую событийную или иную информацию, которая по определению не может присутствовать в официальной документации.

Источниковую базу исследования составляют также полевые материалы по теме. Экспедиционные выезды в районы Кабарды и Адыгеи совершались на протяжении 1995-2004 гг. Зафиксированные свидетельства информантов составили важный источник исследовательской работы.

Основные положения и результаты исследовательской работы изложены автором в монографии «Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы» (М., 2012). Рукопись монографии была обсуждена редакционно-издательским советом Института этнологии и антропологии РАН и рекомендована к печати Ученым советом института. Отдельные положения и выводы работы представлялись научному сообществу в виде опубликованных статей, докладов на научных конференциях. Настоящая диссертация была обсуждена на заседании отдела

Кавказа Института этнологии и антропологии РАН и рекомендована к защите. Высказанные замечания и пожелания автором учтены.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, научная и практическая значимость проведенного исследования, определены цели и задачи, дан историографический обзор и охарактеризованы источники диссертационного исследования.

Раздел первый

Материалы данного раздела посвящены анализу понятия «политическая культура» как объекта этнографического исследования, содержанию этого понятия и его составным частям.

Глава первая. Политическая культура как объект этнографического изучения.

Важнейшим элементом культуры этноса является та сфера общественного быта, которая охватывает институализированные в данном социуме отношения властвования и управления. Возникшие два ли не вместе с человеческим обществом, эти отношения были важнейшим механизмом, упорядочивающим системы социальных связей на протяжении всего исторического прошлого, поэтому неудивительно, что общенаучный интерес к данному феномену всегда был велик.

В то же время вычленение этой сферы этнической культуры из общей массы исследовательского материала долгое время представляло для эт-

нографии известные трудности. Прежде всего это было связано с тем, что сфера «политического» априори считалась включенной в компетенцию общесоциологической теории. Именно в рамках последней был выработан основной понятийно-терминологический тезаурус, в котором понятие «политическая культура» является стержневым.

С другой стороны, сдерживающим фактором служило укорененное представление о политике как об элитарной сфере общественной деятельности, в которую были вовлечены исключительно сильные мира сего, монархи, дипломаты, сановники и т.д. Соответственно «массы» исключались из этой области социальной активности, делать там им было нечего, поэтому предмета исследования в данном случае не существовало. Кроме того, сфера политического мыслилась в рамках либо межгосударственных отношений, либо в контексте вертикали государственной власти, организующей внутри страны взаимодействие административно-управленческих, социальных, идеологических и т.д. институтов. При таком походе социальные процессы, скажем, на общинном уровне не включались в контекст политических отношений. Эти ошибочные представления в конце концов были преодолены.

Историю политической антропологии как самостоятельной субдисциплины принято отсчитывать с 1940 г. – именно эта дата стоит в выходных данных трех книг, которые стали первыми исследовательскими обобщениями проблемы. В сборнике «Африканские политические системы», редакторами которого были М. Фортес и Э.Эванс-Причард, суммировался опыт изучения традиционных политических систем у народов Африки, а в двух книгах все того же Э. Эванса-Причарда данная проблематика подробно освещалась на полевых материалах, собранных у нуэр и ануаках. В дальнейшем британские антропологи сохраняли приоритет в изучении политантрополитической тематики, хотя невозможно оспорить вклад их американских и французских коллег в исследовательском развитии этой субдисциплины.

Существенный прорыв в отечественной этнографии был сделан в 1970-1980-е гг., что связано с исследовательскими работами Л.Е. Куббеля. В своих статьях, а также в ныне уже широко известной обобщающей монографии, он впервые в русской научной литературе рассмотрел предмет политической этнографии, дал анализ политической культуры первобытных, предгосударственных и раннегосударственных обществ, рассмотрел особенности бытования политической сферы у колониальных народов, ввел в научный обиход понятие «потестарно-политическая культура». К настоящему времени отряд отечественных полиатантропологов внушителен, авторитетен и весом, это – Н.Н. Крадин, В.В. Бочаров, В.А. Попов, А.С. Балезин, О.Ю. Артемова и др.

Далее рассматриваются этапы накопления наших знаний о политической культуре, ее функциях, составных частях. Анализируются и сопоставляются взгляды ученых и специалистов, их позиции и точки зрения, которые в целом составляют прочную базу исследований по политической антропологии. Далее в главе представлены авторская позиция по поводу содержания понятия «политическая культура», в которой предлагается выделять три сущностные сферы.

Первая связана с организационными формами политической культуры и системы властвования. Управление возможно только при наличии соответствующих институций, на которых возложены функции поддерживать своими решениями жизнедеятельность социума. При этом важно учитывать, что помимо формальной структуры власти есть сфера неформальных властных отношений

Вторая сфера политической культуры охватывает ее нормативные аспекты. Системы властвования чрезвычайно чувствительны к внешним, манифестным проявлениям взаимоотношений групп или индивидов на данном поле. Поэтому, как правило, они бывают тщательно регламентированы. Это могут быть специальные нормативные инструкции, издаваемые официальной властью,

либо традиционные правила и нормы, упорядочивающие отношения властвования, процедуры принятия решений, удерживающие баланс властных авторитетов, наделяющие последних нормативными характеристиками, позволяющими индивиду или группе занимать лидирующие социальные, в том числе властные позиции.

К нормативным аспектам относится язык власти, т.е. те приемы вербальной репрезентации своих идей, концепций, решений и т.д., которыми власть ретранслирует нужную ей информацию. Одновременно важен и язык, которым разговаривают с властью, особенно в публичной сфере как показатель конкретной политической традиции.

Составной частью политической нормативки является политическое поведение. Оно строится на основе политического сознания и опыта общения с властными структурами. Границы и формы политического поведения весьма лабильны – от конформистских демонстраций лояльности центральной и местной власти до открытых политических выступлений протестного характера.

Третья сфера соотносится с идеологическим содержанием политической культуры. Это прежде всего политическое знание, которое выражается в адекватных или искаженных представлениях о сущности политической системы, ее основаниях, целях и задачах. Истоки формирования политического знания разные. Оно формируется под влиянием непосредственно наблюдаемых политических практик, проводниками которых могут быть как официальные власти, так и неофициальные и неформальные политические силы, пытающиеся воздействовать на сложившиеся общественно-политические реалии. Другим источником политического знания является официальная пропаганда. Власти обычно придают большое значение идеологической обработке масс, поэтому многочисленные отряды пропагандистов и агитаторов, печатная продукция, медийное пространство и т.д. слаженно работают на формирование у

слушателей и читателей «правильных» политических взглядов и представлений.

В то же время политическое знание формируется и другими – неофициальными и неформальными источниками, например слухами. Слухи весьма сложное явление. Они являются непременным атрибутом духовной жизни социума, являясь опосредованным отражением протекающих в нем реальных процессов. Слухи циркулируют в разных социальных слоях общества и имеют разную эмоциональную окраску – от тревожных до радостных, от оптимистических до зловеще-трагических. Возникают они обычно на почве актуализированного социального события или процесса, которые вызывают в обществе интерес, волнения, ожидания и т.п.

Сформировавшееся политическое знание детерминирует политическое сознание. Под политическим сознанием мы понимаем отношение (как индивидуальное, так и групповое) к политическим аспектам жизни социума, к власти, его органам и представителям. Политическое сознание может открыто проявляться в формах активного или вербального политического поведения. Однако в условиях тоталитарно-автократических режимов может не проявляться, скрываться от окружающих, оставаясь принадлежностью некоей «тайной», непроявленной культуры, которая также составляет важную составляющего духовного мира социума и входящих в него индивидов.

Раздел второй

Материал, отраженный в главах раздела, посвящен дореволюционному этапу развития политической культуры адыгов. В разделе рассмотрены такие вопросы, как организация власти в адыгском ауле, нормативные аспекты общественно-политического быта, социальные представления и общественные интересы адыгского крестьянства.

Глава II. Организация власти в дореволюционном адыгском ауле.

В главе рассматривается положение адыгов в административно-политической системе Российской империи, где низовой социальной единицей была крестьянская община. на рубеже 1860-х - 70-х гг., когда было введено в действие «Положение об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении». С некоторыми последующими изменениями, носившими частный характер, это «Положение» определяло административно-судебную жизнь аульных обществ вплоть до 1917 г.

В соответствии с «Положением», основным звеном низовой аульной власти был сельский (аульный) сход жителей. Сельский сход представлял собой собрание совершеннолетних мужчин-глав домохозяйств. Домохозяином признавался старший по возрасту член семьи, который имел право выступать от имени своих домочадцев. Остальные члены семьи, пусть и совершеннолетние, в работе схода участия не принимали и голоса не имели, но могли представлять домохозяина в случае, если глава отсутствовал по болезни, из-за отлучки или по такой же уважительной причине.

«Положением» определялся ряд ограничений в представительстве. Так, права голоса лишались главы семейств, которые находились под следствием или были отданы под надзор судебных и административных органов, не владевшие земельным наделом переселенцы, хотя бы они и были приписаны к данному обществу. Не имели права являться на сход и не имели права голоса наемные работники, а также лица, признанные «нарушителями общественного порядка», уличенные в кражах, иных мелких преступлениях и неблаговидных поступках.

Дальнейшими узаконениями (1905 г.) царское правительство внесло изменения в систему представительства на сходе, значительно сократив количество его участников.

Функционирование схода и пределы его компетенции четко определялись статьями «Положения». Выходить за эти пределы сходу не полагалось, тем

более, что перечень вопросов, входивших в его ведение, был немалый и в целом охватывал основные сферы жизненных интересов крестьянства. В то же время было очевидно, что вопросы, которые могли быть поставлены и обсуждены на сельском сходе, были неодинаковы по важности и значению для крестьянского быта, а потому в реальной управленческой практике сложилась их довольно четкая иерархия.

Самыми важными для крестьян были хозяйственные вопросы, прежде всего связанные с земельными отношениями (распределение пахотных, сенокосных, лесорубных участков и др.). Обсуждение тих вопросов всегда вызывало большое волнение и ажиотаж среди аульчан, а посещаемость схода в эти дни была наивысшей.

Важной составляющей хозяйственной деятельности общин являлось выполнение казенных и общественных повинностей, раскладку которых осуществлял сход. Документальные источники помогают представить их разнообразие. К казенным повинностям относилось содержание в исправном состоянии дорог, мостов, переправ и других сооружений. Сельское общество было обязано поддерживать санитарное состояние на территории аула, вести работы по его благоустройству, содержать в исправности здания и постройки, находящиеся в общественном пользовании, как то помещение аульного правления, мечети, школы и др. Если на выполнение общественных работ требовались денежные суммы, сход имел право определить требуемую сумму, разложив ее на все домохозяйства. В случае необходимости сход мог вынести постановление о займе общественных денег.

Ни один из жителей селения не имел права отлучаться за пределы общества на сколько-нибудь длительное время, не получив на то разрешение своих односельцев, которое обычно давалось на сходе.

Одной из властных компетенций общины было избрание должностных лиц, прежде всего старшины, а также эфенди, доверенных, санитарных попечителей, сельских судей и других ответственных лиц сельской администрации.

При избрании должностных лиц последние должны были принести «клятвенное обещание», в котором обязывались отправлять свои служебные обязанности «по долгу нашей совести и чести без пристрастия и без корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы». Это была стандартная формулировка, однако она отражала существенные этические представления и правила действия должностных лиц. Приведение к присяге осуществлял эфенди. Важным элементом церемонии было возложение на вступающего в должность старшину официального знака его должностного статуса – специального медальона на цепи. В дальнейшем старшина обязан был появляться на людях с надетым должностным знаком по особо торжественным (например, в праздники), официальным (оглашение высочайших указов, распоряжений правительства и вышестоящего начальства) и иным ситуациям, требовавших его присутствия как представителя местного низового чиновничьего звена административного аппарата.

Основным местопребыванием старшины во время исполнения им своих обязанностей было помещение сельского/аульного правления. Обычно это было специально выстроенное здание, располагавшееся в центральной части населенного пункта. Внутренних помещений было немного, порой правление состояло всего из одной комнаты, обстановка которой всегда оставалась весьма непритязательной.

Деятельность старшины регламентировалась «Положением об управлении сельским обществами», в котором были прописаны основные должностные обязанности глав селений, его взаимоотношения с вышестоящим начальством и с местными органами власти в лице схода, других должностных лиц общины. Абсолютной прерогативой старшины было право созыва сельского схода, который мог собраться только по его призыву или указанию. Также единственно старшина мог предлагать сходу вопросы, подлежащие обсуждению, и, опять-таки, любой вопрос мог быть поставлен на обсуждение лишь с его, старшины, ведома и одобрения. Находясь на сходе, старшина обязан был «охранять должный на нем порядок», т.е. следить, чтобы

обсуждались по преимуществу лишь те вопросы, которые предварительно были им объявлены, не допускать эмоциональных вспышек среди участников прений, ссор, столкновений и т.д.

Старшина был связующим звеном между рядовыми общинниками и вышестоящей властью. Он, в частности, был обязан объявлять жителям селения о ее различных предписаниях и распоряжениях, о новых законах и установлениях правительства и т.п. Старшина обязан был также доводить до сведения жителей селения те бумаги вышестоящего начальства, которые касались их лично. Старшины должны были «задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и предоставлять их полицейскому начальству». Вообще появление на территории общины незнакомых лиц не должно было проходить мимо внимания старшины, который обязан был собрать о данном лице как можно больше разнообразных сведений, поинтересоваться документами, проверить наличие отпускных билетов и т.д., после чего сообщить вышестоящим адресатам всю собранную информацию. Начальством ценилось хорошее знание старшинами своих односельцев, умение оперативно, подробно и достоверно представить персональную информацию на конкретное лицо, которое по тем или иным причинам заинтересовало начальство. В частности, старшины были обязаны давать «объективки» на всех новоизбранных должностных лиц аула.

Старшина представлял в своем ауле полицейскую власть. Будучи обязанным, согласно «Положению», «заботиться о соблюдении порядка в общественных местах и о безопасности лиц и имущества от преступных действий», старшина до прибытия полиции должен был своими силами восстановить законность и порядок либо собрать необходимые сведения, которые бы облегчили полицейским чинам их дальнейшие разбирательства.

Наиболее частым уголовным происшествием, которое будоражило жизнь адыгских аулов, был угон скота, похищения девиц, семейные неурядицы среди аульчан и др. Старшина, как представитель власти, был той сельской инстанцией, куда можно было принести свои жалобы, на которые старшина

должен был по справедливости отреагировать, приняв срочные и действенные меры. В полицейские обязанности старшины входила доставка по предписанию в окружное управление гауптвахту лиц, осуществление наказаний, накладываемых начальством на того или иного жителя общины; старшина сам мог наложить взыскание на провинившегося аульчанина.

Власти зорко следили за деятельностью старшин, которые могли быть подвергнутым санкциям за неисполнение приказа вышестоящего начальства, вплоть до отрешения от должности. У сельского старшины должен был быть помощник, обязанный исполнять все поручения и приказания старшины, а также, «не ожидая приказаний», содействовать ему в исполнении всех его обязанностей. Допускалось, чтобы помощников было несколько.

Важной фигурой в сельском правлении был писарь. Основное требование к кандидату на эту должность, естественно, было знание русской грамоты и умение вести соответствующую документацию, в том числе оформление протоколов схода, выдача общинникам требуемых документов и др. Часто писарями в адыгским селах были русские, обычно выходцы из близлежащих станиц, которых сход нанимал для выполнения писарских обязанностей. На сходах избирались санитарные попечители, в обязанность которых входило поддержание санитарного порядка на территории общины, контроль за соблюдением жителями аула санитарных правил.

Община сохраняла представительские функции по отношению к вешнему миру. В ауле существовал институт доверенных, которых уполномочивали представлять интересы общества в судебных и административных учреждениях. Доверенные избирались на сходе, причем поводов для их избрания было немало: ведение судебных дел, представительство интересов общины в окружных административных органах и др.

Помимо схода и старшины, в адыгском селе были и другие властные авторитеты. Значительную роль играли муллы (эфенди). Муллы были общесельские и квартальные. Если было несколько квартальных эфенди, то один из них избирался старшим, сельским эфенди, который и утверждался в

этой должности. Обычно на звание старшего эфенди мог претендовать тот мулла, который дольше всего прослужил в этой должности. Старший эфенди обычно вел соответствующую общесельскую документацию, в частности метрические книги с записями о родившихся, умерших, заключенных браках и др. После избрания на должность эфенди должен был подтвердить свое право на занятие должности перед авторитетной комиссией, которая проверяла знания кандидатом «учения магометанской веры, а равно и законов Корана и шариата». Должность старшего эфенди была, естественно, почетной и её добивались, при этом дело не обходилось порой без конфликтов и взаимных претензий.

Сельское общество обязано было обеспечить денежное и материальное содержание своим должностным лицам. Все должностные лица выбирались на определенный срок. Покинуть свой пост они могли либо по требованию общины в случае конфликта, или нарушения ими закона, либо по собственному желанию. В главе анализируются конкретные примеры возникавших коллизий.

Глава III. Нормативные аспекты общественно-политического быта адыгского крестьянства.

Нормативно-психологические аспекты политической культуры адыгов, в частности её управленческого комплекса, во многом сохраняли свою традиционность, хотя в ряде случаев административные инструкции, в частности "Положение об управлении" и связанные с ним документы, определяли многое в специфике этой сферы народного быта.

Так, проведение схода подчинялось определенным инструктивным правилам. Инициатива его проведения принадлежала старшине либо уездному или окружному начальству, которое предписывало старшине созвать собрание жителей аула. О дне и месте проведения схода сообщал глашатай – специальное должностное лицо при аульном управлении. Глашатай обходил все кварталы аула и громким зычным голосом оповещал односельчан о предстоящем событии. Собрание проходило на открытом месте, обычно около

здания аульного правления или мечети. Впрочем, в селениях могли быть и другие знаковые места.

Согласно установленным правилам, процедура принятия решений на сходах соответствующим образом документально оформлялась. В частности, по каждому обсуждаемому вопросу должен был составляться приговор, который заносился в специальную книгу и подписывался участниками собрания. Решения принимались голосованием: закрытой или открытой баллотировкой.

Поведение присутствовавших на сходе было подчинено строгим правилам, которые в основном своем комплексе восходили к традиционным нормам общественного поведения адыгов. Участники действия занимали пространство в прямом соответствии с присущими им социальными характеристиками: сословным происхождением, возрастным старшинством, общественным весом, богатством. Эти же характеристики определяли и очередность, а также временную протяженность выступления. При этом говорить полагалось с достоинством, не торопясь, не выкрикивая фразы, но в то же время достаточно громко и внятно, чтобы быть понятыми всеми присутствующими. По традиции большим уважением пользовались красноречивые ораторы.

В соответствии с традиционными нормативными установками, общение людей на сходе должно было быть спокойным, размеренным, уважительным. Не допускались проявления грубости, взаимная резкость, осуждались необоснованные препирательства, тем более безудержная брань. Вызывающее, крикливое, шумное поведение также не укладывалось в традиционные нормы, и если кто-либо допускал демонстративное нарушение последних, то рисковал навлечь на себя штрафные санкции со стороны социума в лице его сельского схода. В частности, особо надоедливых могли отлучить от общественной жизни, т.е. сход лишал их права присутствовать на аульных сходах.

Для сельского общества был очень важен внутренний мир и спокойствие, основанные на традиционных принципах поведения. Отступление от последних вынуждало общество мобилизовывать и применять свои властные полномочия, чтобы восстановить в социуме нормативное равновесие: увещевания, запись в

штрафной журнал, санкционированное обществом нанесение имущественного ущерба. Последней властной мерой, которую общество могло применить по отношению к своим порочным членам после того, как все остальные способы оказывались исчерпанными было исключение из своего состава. Важной составляющей социального норматива в адыгском ауле было следование религиозным (исламским) предписаниям, в частности в поведенческой сфере. Всяческие отклонения в этом вопросе безоговорочно осуждались, вызывая неприязнь и стремление ликвидировать эту аномалию.

Административные реформы 1860-х годов внесли значительные изменения в традиционную систему властных авторитетов в адыгском социуме. Исследователями была отмечена тенденция размывания политического веса и авторитета старинной дворянско-княжеской элиты, мощь которой по сравнению с предыдущим периодом была в значительной степени ослаблена. Административная реформа фактически уничтожила остатки независимости аульных владельцев, введя новую административную должность – старшину. Введение этой должности ущемляло традиционную элиту еще и потому, что она теряла монопольное право на политическое лидерство, так как теперь и другим слоям населения был открыт доступ в низовое звено управленческого аппарата.

Центральная фигура в новой структуре аульного правления – старшина мог приступить к своим обязанностям только после серии процедур, среди которых избрание на аульном сходе было важным, но отнюдь не единственным звеном. Донесение о результатах выборов начальник соответствующего участка направлял в окружное управление, откуда документы поступали к начальнику области (Терской или Кубанской), который утверждал или не утверждал решение схода. Однако и этого было недостаточно. Избранные и утвержденные старшины допускались к исполнению обязанностей после предварительной присяги в участковом правлении. Окончательную присягу о беспрекословном исполнении всех поручений и требований начальства они давали в окружном

управлении. Старшина избирался и утверждался сроком на три года. Время его пребывания в должности при последующих переизбраниях не ограничивалось.

На должность старшины мог претендовать отнюдь не каждый. Претендент должен был обладать рядом нормативных качеств и достоинств, которые делали его бесспорным лидером своей общины. Среди этих качеств важное место занимало соответствие идеальным представлениям об истинном муже: честном, благородном, бесстрашном и т.д. Он должен был иметь безупречный моральный облик. Большое значение придавалось ораторским способностям претендента – владение мастерством публичного выступления традиционно считалось достоинством человека. Существовали также некоторые объективные нормативные критерии, которые играли важную роль при выборе старшины и во многом формировали отношение общества к своему избраннику – сословная принадлежность, богатство, возраст.

Несмотря на высокое общественное положение старшины, авторитет его власти не был самодовлеющей величиной и в ряде случае мог быть оспорен. Далее в главе анализируются документальные материалов, которыми зафиксированы конфликты между старшиной и его ситуационными противниками – это могли быть отдельные члены общины, но порой и целое аульное общество. Делается вывод о наличии ряда нормативных представлений о старшине как об идеальном, желаемом представителе власти. Так, осуждались старшины, авторитарно управлявшие своими аулами, принижавшими роль схода в выработке совместных решений. При этом старшина воспринимался как своего рода организатор и хозяйственный руководитель аульной жизни. Если он не соответствовал этим требованиям, то мог быть отозван со своей должности. Много претензий было к старшинам, которые, по мнению общинников, превышали свои полномочия, либо не выполняли свои прямые обязанности. Старшина мог вызвать неудовольствие и некоторыми другими своими действиями, если они казались сообщинникам несправедливыми или необоснованными.

Далее в главе анализируются документальные сведения о конкретных случаях конфликтов, одной из сторон которых были старшины.

Традиционные нормативные требования предъявлялись и к эфенди, который должен был иметь незапятнанную репутацию, в противном случае это могло быть препятствием для занятия должности муллы. Кроме того, считалось важным, чтобы эфенди знал арабскую грамоту, тем более, что муллы с хорошими навыками чтения Корана были все же в изрядном дефиците.

Важным властным авторитетом в адыгском селе были лица, принадлежавшие к старшим возрастным группам. Собственно говоря, быть участником схода – это уже означало быть «стариком». В то же время в сильно преклонном возрасте, когда физические возможности человека накладывали ограничения на его социальное функционирование, активная общественная деятельность уже не поощрялась. В этом случае более приличествовало удалиться от активных общественных дел, передав свои полномочия, возможно, более молодому члену семьи. Старшие возрастные группы пользовались в общественной сфере определенными этикетными «привилегиями». Старики были приемлемым каналом для связи с начальством. Если были необходимы переговоры, то представительствовать общину часто уполномочивали стариков.

Другим источником властного авторитета в общине был сословный фактор. Лица привилегированных сословий пользовались безусловным авторитетом в селении и их слово и желания были порой решающими. Так, зачастую лица привилегированного сословия были застрельщиками переселения в Турцию, и многие крестьяне не могли устоять перед авторитетом и влиянием князей и дворян.

Своеобразным явлением в политической культуре адыгского села было наличие неформальных властных лидеров. Обычно это были деятельные, энергичные, активные индивиды, имевшие значительный авторитет и влияние среди односельчан, позволявшие им воздействовать на общественную жизнь аула, выступая в ряде случаев соперниками и оппонентами официальной старшинской власти. Основой для выдвижения в неформальные лидеры было

сосредоточение в руках индивида ключевых общественных должностей, позволявших им использовать их в качестве властных рычагов. Неформальные лидеры были инициаторами различного рода акций, которые осуществлялись вне и помимо официальной сельской власти. Неформальные лидеры могли фактически управлять в общине, во всяком случае серьезно влиять на принятие решений, в частности, пользуясь слабостью и нерешительностью старшины. Соперничество старшины и неформальных лидеров всегда обычно заканчивалось конфликтом, что проанализировано на конкретных документальных примерах.

Глава IV. Социальные представления и общественные интересы адыгского крестьянства.

Социальным идеалом адыгского крестьянства был мир и спокойствие во внутренней жизни социума. Об этом красноречиво свидетельствуют в том числе данные адыгского фольклора, в котором добрые взаимоотношения между индивидами, соседями, общинами представлялись одной из высших ценностей бытия. Соответственно основные социально-политические интересы адыгского крестьянства заключались в сохранении и сбережении внутреннего общинного мира, того круга социальных установлений, норм и обычаев, которые составляли структуру его повседневности.

В частности, существенным элементом общественно-политической психологии были сильно укоренённые коммуналистские представления. Они находили воплощение в ряде характеристик, прежде всего в проявлениях общинной солидарности, ощущении своего территориального и социального единства. Существенным фактором было членство в общине, которое вытекало из права конкретных лиц, семейств, кланов проживать на данной территории. Это право давалось длительностью проживания в данном селе, поколенным пребыванием конкретной семьи на данной территории. Поэтому у членов

общины не возникало сомнения в праве человека быть принятым в число членов общины в случае, если либо он сам проживал здесь когда-то, либо его семья и его предки являлись жителями общины. В то же время аульчане внимательно и ревниво следили за тем, чтобы в их среду как можно меньше проникали чужаки. К таковым относились с подозрением и часто их поведении было предметом особо пристального внимания, а сами они становились объектами дискриминации.

Материальным воплощением общинного единства была земля. Прежде всего она объединяла общинников фактом совместного проживания на данной территории, которая всеми местными насельниками воспринималась как «своя», «родная», как «изначальное место», где каждый житель общины был рожден, где он сызмальства проживает, владея семейным наделом по исконно заведенному порядку. Соответственно и право пользования благами территории также принадлежало только коренным уроженцам, которые могли общинно пользоваться ею. Чужаки этим правом наделялись редко, так как общества крайне ревниво относились к фактам передачи «своей» земли в руки некоренных жителей. Община настолько ревниво следила за своими угодьями, что попытки посторонних пользоваться аульской землей порождали противодействие, выливавшееся порой в серьезные конфликты.

Коллективистские нормы жизни находили отражение и в представлениях о равнодольном участии всех аульчан в несении общественных повинностей. Они не были легкими, поэтому при возможности каждый норовил от них избавиться. Однако община внимательно следила за равной долей участия всех жителей в несении этого бремени. Достаточно милосердная в необходимых случаях, она проявляла жесткость и неуступчивость в ситуациях, когда, по мнению общинников, не было причин для снисхождения. В то же время в коммуналистском сознании содержались определенные представления о социально приемлемом уровне материального благосостояния индивида. Выпадение ниже этого уровня воспринималось обществом как социальная

аномалия, нарушение нормы, которую необходимо исправить. Поэтому объектом особого внимания схода были малоимущие члены аульной общины. Таковым обычно старались помочь, оказать содействие и поддержку.

Общинная солидарность имела место и в других характерных случаях, связанных, в частности, с весьма распространенным в те годы в адыгских аулах явлением – воровством скота. По заведенному порядку, после того как становилось известно о совершенной краже, старшина обязан был организовать дознание, в частности, произвести осмотр следов. Если следы терялись вблизи какого-нибудь селения, то его жители попадали под подозрение, считалось, что именно в их среде находится злоумышленник. В этом случае аульчанам предлагалось либо выдать вора, либо возместить потерпевшему все убытки. Аульчане часто выбирали последний вариант.

В общественной психологии по-прежнему были сильны такие социальные институты, как кровная месть, которые определяли многие психологические установки. Это часто вносило сложности в бытовую повседневность села. Другая древняя социальная норма – гостеприимство – также в значительной степени формировала соответствующие психологические установки. Представленный в главе документальный материал дал возможность показать конкретные факты этого рода.

Дорожа честью и достоинством общины, адыги были еще более чувствительны к сохранению собственного, личного достоинства, крайне болезненно относясь к его ущемлению с чьей бы то ни было стороны. В качестве примера в главе рассматривается ситуация, связанная с особой значимостью для адыгского массового сознания оружия как принадлежности традиционного костюма и важной детали социально-этнической идентификации. Между тем административные правила ношения оружия туземцами в пределах Терской области, утвержденные Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе еще 14 октября 1882 г., лишали возможности местное кавказское население

носить оружие вне пределов своих общин, за исключением лиц, получивших на то специальное разрешение властей. Нарушители этого предписания, едва они появлялись в Нальчике, Майкопе или иных населенных пунктах сплошь и рядом привлекались к административной ответственности как «умышленные нарушители распоряжений законных властей». Как правило, оружие в этом случае отбиралось, что вызывало конфликты и тяжелые личные переживания.

Для личной идентификации важно было ощущение своей принадлежности к исламу. Адыги полностью соотносили себя с его ценностями и нормами, которые воспринимались как отличительное качество их группы.

Важнейшим элементом внутренней жизни общины являлись традиции взаимодействия социума в целом и каждого его представителя в отдельности с властью и тем кругом потестарно-политических институтов, от которых во многом зависела социальная жизнедеятельность общины. В общественном сознании власть четко делилась на два уровня. Первый был представлен ее низовым, местным сегментом, связанным с сельским правлением и его должностной иерархией. Второй выходил за пределы границ социума и сопрягался с более высоким и труднодостижимым властным уровнем, олицетворявшимся участковым начальством, и далее – окружным, которое воспринималось уже в наивысших категориях едва ли не основного и главного источника власти, справедливости и силы.

Основные социальные ожидания, которые связывались адыгским крестьянством с местной властью, были довольно высокими. По народным представлениям, местная власть должна была быть полностью «понятной» индивиду, ее решения не могли идти вразрез с устоявшейся соционормативной традицией.

Высокие требования предъявлялись к старшине. Сама должность никогда не вызывала сомнений в своей легитимности, однако лицо, претендовавшее на ее занятие, проходило весьма тщательный фильтр, который реализовывал

народные представления об «идеальном» лидере общины, о чем шел разговор в предшествующих главах работы.

Внешний уровень, как было сказано, ассоциировался с участковым и окружным начальством. Оба находились далеко, вне привычных социальных рамок и пределов, вне непосредственных контактов и повседневного общения общины. Если же контакты происходили, то они были связаны, как правило, с событиями экстраординарными, выходившими за пределы обыденного жизненного ряда, вызывая повышенное волнение и внимание со стороны сообщинников.

Важнейшая характеристика внешнего уровня власти заключалась в том, что она была «иноэтничной», «русской», даже если начальники участков или же области были этническими адыгами, как, например, многолетний начальник Нальчикского участка полковник Клишбиев. Это создавало определенные нюансы психологического восприятия внешней власти, равно как и опыта общения с ней подавляющего большинства сельского адыгского населения.

При этом следует подчеркнуть, что представление о принадлежности адыгского социума к российскому государственному организму было достаточно укорененным и легитимированным представлением во всех социальных стратах местного общества.

Раздел второй

Материал, отраженный в главах раздела, посвящен периоду 1917-1920-х гг. в развитии политической культуры адыгов. В разделе рассмотрены такие вопросы, как система властных отношений в послереволюционном адыгском ауле, социалистические преобразование и новая соционорматика, общественно-политическое сознание в первые годы советской власти.

Глава V. Система властных отношений в постреволюционном адыгском ауле.

В главе рассматриваются административные преобразования в Терской и Кубанской областях, связанные с революционными преобразованиями и вооруженной борьбой 1917-1920 годов. В дальнейшем более подробно освещаются облик и система власти в Кабарде и Адыгее в первое десятилетие советской модернизации.

В целом делается вывод, что строительство системы власти в национальных регионах Кавказа, в частности у адыгов, имея некоторую региональную специфику, в целом следовало общероссийским тенденциям, когда старые институты местного самоуправления (думы, земства, сельские правления и др.) были полностью и окончательно ликвидированы. Все их дела, имущество и технический персонал передавались новым органам власти – советам, которые отныне становились основным (и единственным) звеном управленческой системы народившегося большевистского государства. Для упорядочения текущей работы сельсовет должен был образовать два «главных и обязательных» отдела – земельный и судебный, а в случае необходимости и другие, например, продовольственный, административный и др. Земельным отделам вменялось «работать самым энергичным образом» по передаче всех частновладельческих земель в руки «трудового народа» и следить за тем, чтобы земля не захватывалась отдельными лицами или группами самочинно, а поступала в пользование лишь по утверждению советом. В новой административной системе власти на местах упразднялась должность старшины – отныне главой селения являлся председатель народного совета, который избирался из состава его членов.

Переизбрание совета было в компетенции сельского схода, который мог сделать это в любое время, если бы счел совет недобросовестно или некомпетентно относящимся к делу, при этом для переизбрания совета не нужно было никакого разрешения и донесения. Но избранные народные советы объявлялись высшей властью в селении. Все постановления сельского

народного совета, которые должны были скрепляться подписью председателя совета и соответствующего отдела, были строго обязательны для всех жителей данного селения или района, никаких исключений в этом отношении не допускалось. Предвидя возможную оппозицию и сопротивление, большевики заранее объявляли нежелающих подчиняться власти народного совета, а, следовательно, своей власти, «нарушителями народной воли», обещая преследовать их как преступников, «независимо от того, какое положение они до сих пор занимали». При этом большевики обязали народные советы немедленно извещать окружное начальство «обо всех случаях открытого неповиновения законным постановлениям сельского совета».

В дальнейшем организационная структура местных органов власти продолжала эволюционировать: советы на короткое время были заменены ревкомами, на затем власть вновь вернулась к советской системе. Впрочем, значительной разницы между ревкомам и советами не было. Советы по сути продолжали оставаться чрезвычайными органами власти в том смысле, что именно на них большевики опирались при проведении своей политики на селе, и наоборот, советы были проводниками идеологии и практики «коммунистического» строительства на местах. Документальные материалы фиксируют формы и методы работы советов, которые в первой половине 1920-х годов протекали на фоне еще не устоявшегося баланса власти в адыгском селе.

Связь между сельским советом и вышестоящими большевистскими органами была чисто директивная. Советы получали соответствующие указания, которые должны были исполнить неукоснительно и в срок. Во взаимоотношениях местных и центральных органов власти последние опирались на традиционно сформировавшиеся функции общины, через которые с разной степенью эффективности на низовом уровне проводилась большевистская политика в экономической, социальной, политической и идеологической сферах.

Экономическая составляющая жизни была важнейшим фоном, на котором протекали политические отношения в адыгском селе. При этом советский период начинался безрадостно. Хозяйственные неурядицы периода гражданской войны сменились жесточайшим политико-экономическим прессингом периода военного коммунизма. В частности, голод, постигший кабардинское крестьянство в начале 1920-х годов, во многом стал результатом военно-коммунистических методов хозяйствования.

Важнейшим вопросом в жизни адыгских крестьян всегда было землепользование. Советская власть внесла коренные изменения в эту сферу действительности. Основным нововведением стала отмена частной собственности на землю и кампания по конфискации прежде всего частновладельческой помещичьей земли. Массовые переделы земли отмечались уже в 1918 г., когда под неусыпным надзором властей участковые земельные съезды провели перераспределение земельного фонда. Иногда из-за перераспределяемых земель в общинах вспыхивали конфликты. Их острота порой требовала вмешательства областной власти. С другой стороны, отмечалось немало самозахватов, самовольной запашки и т.п., причем главным объектом самозахвата были именно частновладельческие земли. Наступление на кулачество вызывало новую волну земельных перераспределений.

Серьезнейшей проблемой, с которой столкнулась советская власть в первые же годы своего существования, была продовольственная. Как известно, первоначально большевики попытались решить ее с помощью жесточайшего давления на крестьянство, реализованного методами и практикой политики военного коммунизма. Последняя на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде и Адыгее, имела столь же трагические последствия, как и в центральных областях страны, ибо под угрозой карательных санкций и неотвратимого государственного возмездия адыгское крестьянство было вынуждено идти на величайшие жертвы и перенапряжение сил, чтобы в полном объеме выполнить сыпавшиеся из окружных центров разверсточные директивы.

На местные советы ложилась задача выполнения планов трудовой мобилизации крестьянства, различные формы которой большевики все чаще стали использовать для выполнения того или иного объема необходимых работ. Большевики, как известно, практиковали не только трудовую, но и военную мобилизацию. И снова местным советам спускались соответствующие предписания.

В условиях дезорганизации социальной жизни в период гражданской войны в регионе усилилось движение, именовавшееся на официальном языке «бандитизмом». Это было достаточно сложное социальное явление, суть которого отнюдь не проясняет, а скорее запутывает обыденная семантика слова, которым оно обозначается. То, что в 1920-х годах называлось «бандитизмом», являлось специфическим отражением социальной неустроенности того периода, формой социального и экономического выживания определенных слоев социума. Конкретных проявлений «бандитизма» было много, но в значительной степени они выражались в освященном традицией скотокрадстве, которое со временем принимало, действительно, большие масштабы. Важно отметить при этом, что состав банд был предельно «интернациональным».

Известная формула, что «социализм – это учет», большевиками была оправдана в полной мере. Советская власть желала иметь доскональную и исчерпывающую информацию о подвластных массах, а посему в села посыпались неисчислимые предписания с требованиями представить сведения по учету всего и вся. Документальные материалы позволяют представить, что интересовало власти: количество имевшихся в крестьянских хозяйствах лошадей, хозяйственного инвентаря, гужевого транспорта, о запасах шерсти, описи имущества и сельских домов.

В прерогативы советов входило наложение штрафных санкций, которым подвергались провинившиеся сельчане. Попасть в штрафники можно было по самым разным поводам, зачастую сильно разнившимся от села к селу. Среди санкций, которые совет мог применить по отношению к провинившемуся

сельчанину, числились не только денежные штрафы, но и другие меры, такие как назначение на работы и даже арест.

Далее на основе документальных материалов анализируются конкретные казусы, с которыми приходилось иметь местной власти.

Сельские руководители находились под постоянным прессингом и контролем со стороны вышестоящих органов, которые за малейшие провинности могли подвергнуть председателей административному, уголовному и в худшем случае политическому преследованию. Директивно сменить представителя местной администрации не составляло труда. Однако в случае необходимости могли быть применены меры и покруче. Обычной практикой стали аресты, которым подвергались руководители аульной власти в случае, если они имели несчастье вызвать неудовольствие, подозрение, гнев и т.д. представителей вышестоящих органов.

Советы и их исполкомы так и не стали реально действующим коллективным органом самоуправления на селе. Формально являясь таковым, советы на деле представляли собой узкую верхушечную группу этого органа, состоящую из председателя, его заместителей и еще нескольких доверенных лиц.

Коллизия политической жизни в адыгском ауле во многом состояла в том, что советская верхушка селений порой пыталась авторитарно и директивно управлять сельскими делами, естественно, чувствуя за своей спиной поддержку всей мощи государственно-репрессивного аппарата большевистской власти.

Между тем, помимо совета, в селе был еще один полюс власти – сход. Традиционный орган народного самоуправления сохранял свое значение и в первые советские годы. Всячески пытаясь утвердить советы в качестве главной властной структуры, большевики тем не менее не решились упразднить сход. С одной стороны, делать это было бессмысленно, так как вне зависимости от запретов или разрешений в каждом адыгском селе по завершении пятничного намаза перед мечетью собирались практически все жители. На этих общественных встречах всегда обсуждались последние новости, жизнь села,

имевшие место происшествия и события, формировалось общественное мнение, становились очевидными позиции групп жителей или индивидов по тому или иному вопросу.

С другой стороны, власти были заинтересованы в «общегражданских сходах» жителей села – так теперь официально именовались эти собрания – и порой сами их созывали. Большевики часто использовали сход для пропаганды своих идей. В этом случае сход больше напоминал обыкновенный советский митинг, на котором провозглашались революционные лозунги, а жителей звали на борьбу за «дело пролетариата», за «советскую власть для бедных» или же на субботник, или же стыдили за невыполнение разверстки, неуплату налога и других распоряжений советской власти и т.п.

Однако большевики сохранили институт сельского схода и по другим причинам. Для них было очевидно, что авторитет схода в селе был гораздо выше, чем авторитет сельсовета. Решение схода, пусть и непопулярное, в глазах жителей села обладало большей «легитимностью», чем постановления совета, не подкрепленные ничем, кроме возможностей их репрессивного проведения в жизнь. Поэтому советы обычно стремились заручиться поддержкой схода по всем мало-мальски важным и ответственным вопросам. Если последние возникали, то председатель сельсовета собирал сход, на котором докладывал односельчанам о ситуации, стремясь заручиться решением, которое было нужно властям. По существу советы перекладывали на сход необходимость принятия того или иного решения, особенно непопулярного, связанного, например, с материальными расходами, чтобы затем, основываясь на соответствующем протоколе общего собрания жителей села, проводить это решение в жизнь.

Можно сказать, что в первые годы советизации в адыгском селе, по существу, установилось своеобразное двоевластие. Советы, будучи официальными властными структурами, имели, естественно, больше возможностей для доминирующего влияния на жизнь села, определения основных параметров его социально-экономической жизни, быстрой и опера-

тивной реализации директивных решений вышестоящих органов. Важно было то, что традиционный общий сход еще долгое время продолжал легитимировать в общественном сознании то или иное решение, по-прежнему оставался главной властной инстанцией в разрешении многих коллизий локальной сельской жизни. Именно сход, а не совет занимался наиболее животрепещущими вопросами, личностно волновавшими каждого сельчанина.

Вместе с тем новые политические времена внедряли в жизнь адыгского аула новые, невиданные до сих пор, диковинные для обыденного сознания общественные структуры. Так, в селениях появились ячейки РКП (б), комсомольские ячейки, ячейки «сочувствующих РКП(б)», Международная организация помощи рабочим (МОПР). Возникали разные общества содействия, помощи, поддержки и т.п. между деятельностью многочисленных новых сельских общественных организаций было трудноуловимо. Гораздо более действенную и положительную роль в жизни деревни, в частности адыгской, сыграли Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ).

Большее беспокойство властей вызывал институт служителей культа. Муллы продолжали сохранять свой авторитет, оставаясь «организаторами» аульской общественности. Действительно, общественное и нравственное лидерство эфенди было непререкаемым, и они продолжали играть весьма активную социальную роль на селе. Авторитет мулл давал им иногда возможность быть принятыми в партию, что в первые годы советской власти при полном смешении общественного самосознания было еще возможно.

Глава VI. Социалистические преобразования и новая соционорматика адыгского села.

С установлением советской власти начался процесс активных изменений нормативных установок, составлявших внешний «каркас» традиционного политического быта адыгов. Этот процесс был инициирован, активно поощрялся и подталкивался новым большевистским руководством, которое –

по фразеологии тех лет – стремилось поскорее вырвать «темную» массу адыгского крестьянства из «тисков прошлого».

Как было сказано, важнейшей задачей для большевиков стало утверждение на местах новых органов аульной власти. Тем не менее процесс формирования новых органов власти протекал с немалыми трудностями. В большую проблему превращался прежде всего подбор персонального состава ревкомов, сельсоветов, сельисполкомов и других советских властных институций. Между тем отныне это становилось важной политической реалией, поэтому власти тщательно следили, чтобы состав местных органов был «выдержанным». Однако в первые годы выборы приносили властям немало разочарований, так как в советы порой избирались совсем не те, на кого рассчитывало руководство. Исходя из этого власти контролировали процесс выборов начиная с самых первых выборов в местные органы власти, состоявшихся 1 августа 1920 г. Избирательные кампании производились организованно, в соответствии с постановлениями высших региональных органов власти (в Кабарде и Адыгее – после учреждения Центральных избирательных комиссий – ЦИК – по их постановлениям). В дни выборной кампании особенно интенсифицировалась идеологическая работа. Чтобы не допустить в состав советов нежелательные элементы и дать правильное политическое направление трудящейся массе, в селах практиковались беседы на темы «как проводить выборы», «кого нужно выбирать» и т.п., которые проводили ответственные работники окружкомов партии.

Дело облегчалось прямыми законодательными актами Советской власти. В частности, Конституция РСФСР устанавливала ряд ограничений по избирательным правам. Так, не могли участвовать в выборах и быть избранными: лица, прибегающие к наемному труду, с целью извлечения прибыли; лица, живущие на не трудовой доход; торговцы и торговые посредники; служители всех религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции; душевнобольные и умалишенные; лица, осужденные за корыстные преступления. Избирательных прав лишались также «все порочные – явные и

тайные контрреволюционеры, хотя бы не подошедшие ни под одну из вышеперечисленных категорий». Эта статья большевистской конституции по существу безгранично расширяла круг дискриминируемых лиц, потому что если не явным, то тайным контрреволюционером можно было объявить кого угодно.

Впрочем, эти установления решали весьма важную задачу, стоявшую перед советской властью и связанную с политической нейтрализацией тех слоев общества, которые традиционно пользовались влиянием и авторитетом в адыгском социуме. Таковыми были представители бывших привилегированных сословий, лица старших возрастных групп, служители культа и некоторые другие. В целом же очевидно, что произошло резкое ограничение числа лиц, имеющих избирательные права, что нанесло сильный удар по политическим правам всего сельского населения. Система выборов в местные органы власти стала действенным механизмом нейтрализации традиционных властных авторитетов и утверждения в этом качестве новых социальных выдвиженцев, отличавшихся лояльностью и преданностью новой власти. Со временем составы местных органов власти вызывали все меньше нареканий и беспокойств. Во-первых, большевики очень быстро стали применять открытые вмешательства в процесс голосования, по существу формируя составы органов власти по своему усмотрению. Во-вторых, сами трудящиеся, обретя определенный социальный опыт, собственной инициативой, хотя и под присмотром властей, научились регулировать состав избираемых лиц.

В то же время власти предпринимали немалые усилия для политической нейтрализации нежелательных социальных слоев адыгской деревни. В первые годы советской власти особенно яростному репрессивному преследованию подвергались представители бывших дворянско-княжеских сословий, которые прежде всего подвергались многочисленным административным ограничениям, но все чаще – прямым преследованиям, с использованием в качестве весьма действенных мер выселения, высылку, ссылку и др. Распространенной

практикой стала пожива имуществом выселяемых и политически репрессируемых.

Власти повели наступление и на другие общественные авторитеты и институты, которые традиционно могли претендовать на власть в адыгском ауле. Таковыми были институты старшинства («стариковство» по советской терминологии тех лет) и соответственно прослойка лиц старших возрастных групп («старики»). Действительно, к старшим по традиции сохранялось уважение, а авторитет возраста имел социальное значение. «Стариковство» пытались подорвать, вбив клин между старшими и младшими возрастными группами. Молодежь всячески поддерживали, ублажали, льстили, противопоставляя старшим возрастным группам. Стариков обвиняли в поддержке всего старого, отжившего, в невосприимчивости и враждебности к новому. Пропаганда пыталась представить «стариков» не просто пассивными недоброжелателями, но активной силой, мешающей и противоборствующей всем прогрессивным изменениям сельской жизни. Однако переломить традиционные нормативные принципы взаимоотношений возрастных групп было нелегко. В работе далее приводятся документальные факты сохранения сциального веса представителей старших возрастных групп в общественно-политической жизни адыгского села.

Еще одна пропагандистская линия властей была направлена на дискредитацию богатых и зажиточных сельчан, по традиции имевших сильное влияние на жизнь аула. При этом состоятельных членов общины стремились стеснить и экономически, не останавливаясь при этом фактически перед грабежом. Наконец, еще одной дискриминируемой категорией оказались служители культа. Одним из методов дискриминации религии и ее служителей была разнузданная кампания поношения и насмешек в прессе. Тем не менее в случае необходимости мулл привлекали к работе и опирались на их авторитет. Наиболее ярко это проявилось во время внедрения в хозяйственную жизнь адыгской деревни Комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). Муллы продолжали и просветительскую деятельность, ведя в своих

селах учебные занятия в мечетях, где преподавался арабский язык и основы исламского вероучения. В то же время служители культа обвинялись советской пропагандой в невежестве, мракобесии, приверженности к самым реакционным патриархальным обычаям, их представляли силой, стремящейся оставить народ в цепях забитости и темноты. При этом власти предпринимали ряд мер по противодействию эфенди, для того, чтобы всемерно затруднить им возможности их преподавательской деятельности. Тяжелые условия, в которые было поставлено духовенство, заставляли некоторых из них публично отказываться от сана. Под сильным давлением власти начали собираться сходы, на которых граждане принимали решение о закрытии мечетей. Часто здания мечетей передавались под другие учреждения, порой весьма нужные для сельской жизни, например, под школы, врачебные пункты, избы-читальни и т.п. Тем не менее утрату мечетей народное сознание воспринимало все же тяжело, тем более в случаях, когда мечеть попросту разрушали.

Тем не менее дискриминируемые, оттесняемые, подавляемые слои населения все же сохраняли свою общественную значимость. Сплошь и рядом оказывалось, что, будучи лишенными избирательных прав на официальных выборах и, следовательно, не имея возможности занимать официальные выборные должности, лишенцы (бывшие дворяне, муллы, кулаки и др.) не были исключены из общественной жизни, занимая все то же место в социальной иерархии властных авторитетов. Более того, они пытались активно участвовать и в политической жизни.

Круша традиционные властные слои, всячески пытаясь оттеснить их от активной социальной деятельности, коммунисты стремились создать в селе прочную социальную опору своего господства, в частности, целенаправленно проводя кампанию по утверждению новых социальных выдвиженцев, которые должны были стать лояльными и преданными новой власти.

Как известно, ставка при этом делалась на так называемые бедняцкие и середняцкие слои деревни, которые целенаправленно выдвигались и поддерживались новой властью. Пропаганда работала на превозношение,

восхваление, идеализацию всего бедняцкого. Оно постоянно ставилось в пример и назидание, подчеркивалось превосходство бедноты над остальными социальными слоями общества. Власти постоянно подчеркивали политическое доверие, которое они оказывают беднякам, называли их своей верной опорой, на которую можно положиться в критическую минуту. Власти всячески будировали политическую активность бедняков, демонстрируя полнейшее доверие к ним, внушая им мысль, что они являются опорой и человеческим фундаментом власти в ауле. В организационном аспекте эта политическая тенденция проявилась в создании так называемых групп бедноты, из которой партия пыталась сделать значимую властную силу. Так, стала усиленно внедряться практика, в соответствии с которой перед тем, как ставить те или иные вопросы на обсуждение общих собраний, партячейки проводили их через собрания бедноты. Более того, на собрания бедноты выносились острые вопросы, которые априори должны были вызывать недовольство и протесты основной массы сельчан.

Власть стремилась утвердить на селе и другие общественные авторитеты, например ударника труда и производства, которого предполагалось сделать «первым советником во всех вопросах колхозной жизни», «организатором лучшей работы». Большие политические надежды возлагались на молодежь. Другой важной задачей советской власти было вовлечение в общественную жизнь женщин. Коммунисты придавали этому исключительное значение, справедливо полагая, что ненавидимый ими старый, патриархальный быт коренится во многом в семье, воспроизводится традиционным воспитанием, которое находится целиком в руках женщин. Охраняемый ими «узкий семейный мирок» оставался серьезным препятствием на пути строительства задуманного коммунистами общества, а потому крайне важно было взорвать этот «мирок», вывести его из-под влияния женщины, равно как и саму женщину освободить от традиционной привязанности к семейному очагу.

Далее в главе рассматриваются конкретные формы кампании по вовлечению женщин в производственную и общественную жизнь, что

порождало конфликтные ситуации, связанные с нарушениями традиционных нормативных установлений. Конфликты возникали и вследствие столкновений новой политической реальности с действовавшими в адыгском селе традиционными социальными институтами: родственной и общинной солидарностью, гостеприимством. Рассматривая нормативные аспекты политической культуры, нельзя не учитывать общеисторический фон, на котором происходила эволюция этой сферы народного быта. Между тем события гражданской войны, противоборство политических сил в первые послереволюционные годы тяжелым бременем ложились на плечи народа. Насилие с первых же дней стало фактом политической жизни в адыгских селах, как, впрочем, и по всей стране. Убийства, бессудные расстрелы, реквизиции, грабежи и мародерство, заложничество были в этот период обыденными явлениями, стихия которых по существу не поддавалась контролю и пресечению.

Далее рассматриваются различные формы сопротивления населения политическим обстоятельствам эпохи. Были своеобразные проявления личностного, одиночного сопротивления, направленного, как показывают рассмотренные материалы, не только против большевиков, но и против политического режима, установленного в период господства в регионе «белых». Массовые формы противостояния властному давлению выливались в различного рода групповые, солидарные действия адыгского крестьянства. Формы сопротивления были различны, принимая, в частности вид посильного игнорирования распоряжений вышестоящего начальства, попыток борьбы против непомерных и тяжких реквизиционных требований государства. Формой крестьянского сопротивления можно считать факты сокрытия продуктов, которые подлежали изъятию и сдаче государству. В главе приводятся факты солидарного выступления аульных общин против лавины арестов. Были и формы женского сопротивления, особенно связанные со «страшными» для женского сознания некоторыми нововведениями советской власти. Так, настойчивые попытки новых руководителей мобилизовать

женщин на различного рода курсы, семинары и т.п., отправить их с просветительными целями в окружцентры, учебные городки и др., что с необходимостью предполагало выезд за пределы села, наталкивалось на стойкое сопротивление и нежелание женщин подчиниться новым соблазнам эпохи.

В ряде случаев сопротивление адыгских масс принимало массовый и явно организованный характер. Своеобразной формой политического протеса и сопротивления было движение, которое на языке государственной пропаганды именовалось «бандитизмом». Наиболее активное политическое выступление (Баксанские события) имело место в июне 1928 г.

Глава VII. Общественно-политическое сознание в первые годы советской власти.

События революционного времени внесли новые элементы в общественное сознание адыгов и в круг их социально-политических представлений. Прежде всего, на народную массу обрушился шквал новой информации, которая несла, как правило, соперничавшие, враждебные друг другу, взаимоисключающие идеи и понятия. Особым идеологическим ожесточением отличались первые послереволюционные годы и годы гражданской войны.

После окончательного прихода к власти большевики стали целенаправленно формировать новые константы общественно-политического сознания граждан. Власти придавали большое значение массированным пропагандистским мероприятиям, которые порой напоминали катящуюся на головы сельчан лавину. Аульчан постоянно собирали на митинги, собрания, заседания и т.д., связанные с какими-либо значимыми для коммунистического календаря датами. Естественно, место главного государственно-политического праздника сразу же было отдано ноябрьской годовщине Октябрьской революции. Однако в 1920-х годах Агитпроп возвел в политически актуальные и другие разного рода мемориальные годовщины.

Активно отмечались, например, годовщины смерти «товарища Ленина», расстрела петроградских рабочих 9 января и рабочих Ленского прииска в 1912 г., годовщины убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, как и другие памятные годовщины – Красной Армии, принятия Конституции СССР, «выделения» КБАО и АЧАО, установления в них советской власти и др.; митинги и торжественные заседания устраивались в знаменательные исторические «дни» - так отмечался день Парижской коммуны, Международный день кооперации, День протеста против империалистической войны, Международный день работницы; проводились агитационные «недели», связанные с какими-либо важными общегосударственными мероприятиями – это могли быть выборы в органы власти, реализация «красных займов», неделя МОПРА, конкурс на лучшее трудовое крестьянское хозяйство и т.д. Другим каналом идеологического просвещения масс были всевозможные лекции, собрания, активы, заседания и т.п.

Важным каналом идеологической обработки масс стало целенаправленное введение в нормативный обиход новой политической лексики, которая цветистой и трескучей фразеологией утверждалась на разного рода официальных мероприятиях и собраниях, но в то же время вошла в привычный лексикон и на более низком уровне.

Однако реальные общественные настроения в адыгских аулах были не столь однозначны. Адыгских крестьян волновали прежде всего не годовщины революционного календаря, а проблемы нового экономического и политического устройства, которые отныне определяли основные параметры их бытовой повседневности. Проанализированные документы позволяют сделать вывод о настроениях социального пессимизма, которые были характерны для адыгского крестьянства того времени. В годы потрясений периода революций и гражданской войны эти настроения были отражением обстановки общей нестабильности, социального хаоса, непосредственной угрозы насилия, исходящей от обеих противоборствующих сторон.

В условиях укоренившейся советской власти важнейший узел, вокруг которого фокусировались общественные настроения, был связан с хозяйственными вопросами аграрной политики государства, важнейшей составляющей которой были земельный вопрос и налоговая система, проблемы товарного голода и др. Активность власти в этом вопросе, ее законодательные инициативы и их практические воплощения вызывали незамедлительную реакцию, которая упорядочивалась в возникавших общественных представлениях о новых реалиях жизни.

Одной из важных большевистских новаций стало внедрение во властную вертикаль новых административных учреждений. Однако последние встречались местным населением поначалу совершенно равнодушно. Не понимая их смысла и значения, порой теряясь в непривычных и чуждых названиях, сменявших друг друга с труднообъяснимой быстротой. Весьма низок был общественный авторитет у новоучрежденных советов. В первые годы большевистской власти для крестьянского самосознания советы оставались неким чужеродным телом, придатком большевистской власти, с которым в значительной степени связывались в сознании жителей лишения периода гражданской войны, военного коммунизма, голода начала 1920-х годов и др. Методы и приемы работы большинства советов, вынужденных послушно исполнять указания центральной власти, также были чужды в основном еще патриархальной массе адыгского крестьянства. Если человек не преследовал определенные личные цели, войти в состав народного совета селения не было столь уж привлекательным делом. Терял свой авторитет и сход, особенно когда обсуждались «большевистские» вопросы. Они не вызывали большого интереса со стороны сельчан, которые зачастую всеми силами старались избежать участия в обсуждениях на подобных сходах. Еще меньшим авторитетом пользовались разного рода большевистские институции, как, например ячейки РКП(б).

Появилось немало новых социальных выдвиженцев. Новая политическая и идеологическая ситуация раскрыла возможности для тех жителей аула,

которые раньше были в тени. Теперь они могли проявить себя, что выражалось во вступлении в разного рода новые организации, возникшие в селениях. Часто это были одни и те же лица. При этом слишком рьяные приспешники новой власти не пользовались авторитетом сельчан. Более того, их порой подвергали остракизму.

Существенной стороной жизни адыгского селения в первые послереволюционные годы стал идеологический раскол, который во многом определил массовые общественные настроения. При этом советская пропаганда в своей обычной манере натравливала одну прослойку общества на другую. Объектом преследования и поношения могли быть разные группы лиц – представители бывших привилегированных сословий, служители культа, состоявшие в небольшевистских политических организациях, «неблагонадежные», «порочные», в известные годы – «кулаки». Прослеживается явное стремление советской пропаганды распалить народ, возбудить его, сделать чувство ненависти («классовой») одним из главных аргументов социальной активности населения.

На общественные настроения адыгского аула существенное влияние оказывало социальное размежевание. Так, в адыгском сознании крайне низким статусом обладали бедняцкие группы населения. Отсутствие материального достатка считалось заметным социальным изъяном, который мешал полной социально-политической реализации личности. Поэтому попытки властей поднять политическое значение бедняков встречало обычно непонимание и сопротивление среди более зажиточных кругов адыгского аула. Очень часто при проведении выборных кампаний кандидатуры бедняков, которых окружные и районные власти пытались провести в советы, отметались аульчанами. Особо острые столкновения на этой почве произошли во время предвыборной кампании 1925 г., когда фиксировались случаи открытых выступлений против ввода «маломощных» крестьян в советы. Весьма прохладно относились в адыгских аулах и к практике политического выдвижения молодежи.

Новые политические реалии сделали возможным появление новых форм личностного поведения. Это выразилось в получившей распространение практике доносительства, оговоров и наветов, которые в качестве «сигналов» с мест стали поступать в административные органы. Сигналы, как правило, имели политический подтекст: антисоветские разговоры, связи с контрреволюционным бандитизмом, служба в белой армии и т.д. В то же время в общественную психологию внедрялись кровожадные установки, требовавшие расправы, сурового приговора, расстрела, «смерти паразитам трудящихся масс» и т.п.

Власть, особенно в первые советские годы, подвергалась открытой критике, что в карающих органах квалифицировалось как «антисоветская агитация». При этом с самого начала большевики придерживались жесткого курса на подавление любых публичных проявлений недовольства, в том числе и в виде разговоров, слухов и т.д. Весьма негативный, как правило, общественный резонанс имели административные высылки. В партийных документах постоянно отмечалось, что черкесское население «остро на нее реагирует», что административная высылка привлекает «особенно большое внимание» черкесского населения. Ропот, недовольство вызывал усиливавшийся каток репрессий. Аресты, скорые суды, расстрельные приговоры, тюремные и лагерные сроки вызывали в народе чувство протеста, выливавшиеся в несдерживаемые эмоции. Крайне тяжелой для общественного сознания адыгов была агрессивная ломка традиционного быта. В рамках борьбы за новый быт стали искореняться традиции уплаты калыма, умыкания, проводились кампании по разоружению. Одной из мер по идеологическому расставанию с прошлым была кампания по переименованию населенных пунктов: именовавшиеся, как правило, по родовым фамилиям их феодальных владельцев, селениям было необходимо выбрать себе новые имена, соответствовавшие социалистической эпохе.

Однако старые нормы общественной жизни в той или иной мере продолжали действовать на всем протяжении 1920-х гг. В главе это показано на

примере гендерных отношений, сохранении исламской составляющей общественно-политического быта и др.

Важным элементом общественно-политической психологии было представление о власти и отношение к ней. Крестьяне плохо представляли себе систему власти, иерархию бюрократических учреждений и контор. У крестьян не было доверия к административным органам, считалось, что все решает не закон, а знакомства. У сельчан таковых не было, поэтому городские институции оказывались для них враждебными, правды там было не добиться, поэтому город в крестьянском сознании выступал как враждебная сила. При этом значительную роль играли низовые представители советской администрации, которые своим поведением, поступками, словами формировали образ той власти, которую они по должности представляли. Зачастую под влиянием пропаганды у крестьян порой складывался в ряде случаев позитивный образ новой власти и идеологии, возникало представление о благих целях, которые несет в себе социализм. Однако возникало представление, что конкретные носители власти своими действиями искажают прекрасную идею. Существенной стороной было то, что власть вербализировалась на русском языке. Его знание было незначительным, но владение языком становилось важным показателем лояльности и механизмом социального продвижения.

Важной частью политических воззрений были персоналистические взгляды на вождей революции и государства, в частности Ленина. В публичной обстановке его образ описывался в обычных пропагандистских клише. Образ Ленина как выдающегося вождя трудящихся поддерживался разными ритуальными церемониями и действами типа обязательного заочного избрания в почетные президиума различного рода съездов, конференций, собраний, митингов и т.п., при этом после соответствующего возглашения все знали, что надо хлопать, активно демонстрируя свою поддержку и политическую лояльность. Практиковались и письма, телеграммы, приветствия в адрес вождя. После смерти Ленина его политический поддерживался Днями памяти Ленина. Однако четкого понимания образа вождя не было. Популярностью и

известностью в адыгских массах пользовался Л.Д. Троцкий; В это же время стала приходить известность к И.В. Сталину. Известнейшим местным деятелем был, конечно, Б.Э. Калмыков – «глава революционного порядка Кабарды», который постоянно репрезентировал себя как плоть от плоти трудового крестьянства Кабарды.

Составной частью политического сознания были этнические представления, которые включают как гетеро-, так и автостереотипы. Последние также были развиты у адыгов. Эти автостереотипы были весьма комплиментарны. Например, Б.Э. Калмыков считал, что «мы, кабардинцы и балкарцы, говорим на съездах меньше всех, но делаем больше других». Было широко укоренено представление о трудолюбии кабардинцев. В русле общепринятой тогда революционной риторики адыги часто говорили о своем свободолюбии, что это было имманентной чертой их истории и национальной ментальности. В то же время опять-таки под влиянием идеологии стал складываться автостереотипный образ ущербности, неразвитости, необразованности, некультурности основной массы адыгского народа, который нуждается в помощи и просветительстве.

Этнические стереотипы во многом складывались под влиянием особенностей и направленности массовых внеличностных взаимоотношений, которые имели место между смежнопроживающими народами. Зачастую эти взаимоотношения носили характер хозяйственного соперничества, столкновений прав собственности или представлений о них, посягательства на экономические и хозяйственные интересы соседей. Во многом взаимоотношения с ближайшими соседями воспринимались сквозь призму земельных отношений и скотокрадства. Отсутствие четких границ между административными субъектами не только тормозило землеустройство в этом районе, но крайне тяжело отражалось на землепользовании. Порой доходило едва ли не до вооруженных столкновений. Далее в главе рассматриваются конкретные факты взаимоотношений адыгов с карачаевцами, балкарцами, ингушами, осетинами, русскими.

Наконец, составной частью круга общественно-политических понятий адыгского крестьянства были представления о мире за пределами «своей» территории, куда входили представления о ситуации в России, в целом СССР, а также в зарубежном мире.

Заключение

Крестьянская община давно привлекает внимание исследователей как основная социальная ячейка, в рамках которой протекала жизнь большинства населения дореволюционной России. При этом преимущественный исследовательский интерес был сосредоточен, прежде всего, на изучении экономической роли общины, в то время как ее культурно-бытовые особенности оставались на обочине внимания специалистов. Утверждающийся ныне антропологический подход к историческому материалу актуализирует новые грани проблемы, связанные с изучением этнокультурных, нормативно-поведенческих, ментально-психологических и др. аспектов повседневного быта общинного мира, в том числе ее политического составляющего.

Действовавшие в конце XIX начале - XX столетия формы социально-политической жизни адыгского (кабардинцы, черкесы, адыгейцы) аула (селения) определялись включенностью этой территориальной единицы в систему низового административного аппарата Российской империи. Проведенные 1860-х гг. в крае реформы (земельная, крестьянская, судебная и др.) во многом открыли возможности модернизационной эволюции адыгских народов. Последующее развитие адыгов характеризовалось процессами адаптации к новым общественно-политическим и экономическим реалиям, которые в ряде случаев сдерживались инерцией традиционализма.

Власть на общинном уровне регулировалась «Положением об аульных обществах и горском управлении в Кубанской и Терской областях». В документе были определены пределы компетенции местной власти, которая была представлена сельским сходом и должностным институтом старшинства. В рамках этой системы более или менее успешно регулировались основные

вопросы жизнедеятельности общины: землепользование, исполнение казенных повинностей, разрешение ситуационных казусов и возникавших проблемных коллизий, соблюдение основных нормативных установок, выработки солидарной позиции во взаимодействии с вышестоящим начальством и др. В то же время в общественно-политической жизни селения не теряли своей актуальности традиционные общинные нормы самоуправления. Они были тесно связаны со сложившейся в рамках аульной общины иерархией социальных и властных авторитетов, которые определялись личным статусом индивида – социальным, имущественным, возрастным, гендерным и т.д.

Революционная смена социального строя, произошедшая в 1917-1920 гг., означала новый этап социально-экономического и модернизационного развития адыгов, что непосредственным образом воздействовало на политическую культуру социума, новый облик которой во многом конструировался инструменталистским воздействием советской власти. 1920-е годы стали периодом коренной ломки социально-политических устоев адыгского села, которая первоначально протекала в условиях своеобразного двоевластия. Советы были официальными органами власти, имели доминирующее влияние на хозяйственную и социо-политическую жизнь села. В то же время традиционные сходы продолжали оставаться в сознании народных масс легитимными органами самоуправления, решения которых порой превосходили по своей значимости распоряжения советов. Одновременно в системе трансформирующейся сельской власти удерживали свои позиции традиционные духовные лидеры, в основном служители мусульманского культа, а также неформальные общественные и политические авторитеты.

По мере укрепления советской государственности традиционные общинные институты подминались советами, которые к началу 1930-х гг. стали единственным властным институтом в адыгском ауле.

Одновременно в адыгском ауле складывалась новая иерархия общественных авторитетов. Власть неуклонно проводила мощную административно-политическую и пропагандистскую компанию, направленную

на подрыв традиционных социальных институтов и дискредитацию их представителей, которых, прежде всего, было необходимо лишить властных прерогатив, вытеснив из местных органов власти.

Подавляя политически и экономически социальные группы, общественное лидерство которых было основано на статусах дворянского происхождения, материального положения, возрастного старшинства и др., советская власть административными и идеологическими методами внедряла в общественное сознание новые авторитеты, групповые характеристики которых соотносились с бедностью, молодостью, членством в Коммунистической партии и др. Конфликтное взаимодействие старых и новых авторитетов было характерной чертой социальной жизни адыгского аула в первое постреволюционное десятилетие.

В 1920-х гг. проводилась масштабная кампания по «перевоспитанию» горянки во время которой был задействован весь имевшийся арсенал пропагандистских и организационных мер. В ходе реализации программы были достигнуты определенные успехи, что позволило советской пропаганде говорить о практически повсеместном охвате женщин компанией по ликвидации неграмотности, их активном участии в работе общественных организаций, в избирательных компаниях, на выборных должностях в органах местного управления. Однако в реальности властям пришлось столкнуться со многими сложностями, которые не были учтены идеологами и практиками решения женского вопроса. Агрессивное и грубое внедрение новых политических и идеологических стандартов вызывало противодействие и сопротивление со стороны адыгского аула. Многие нововведения оказались травмирующими для женского сознания, которое не было готово к столь радикальному изменению гендерного статуса в семейной и общественной жизни.

1920-е гг. стали переломным периодом в социальном функционировании исламской религии. Ее вероучение и социальная нормативка стали целенаправленно вытесняться из повседневного обихода, подвергаться

административным притеснениям и идеологической дискредитации. Попытки институализироваться в общественно-политическом пространство советского социума не увенчались успехом. Ислам вступал в полосу тяжелейших испытаний, которые выпали на его долю в последующие десятилетия советской истории.

Рассмотренный материал свидетельствует, что крестьянство не было безгласной, инертной массой, безропотно подчинявшейся диктату внедряемого большевиками нового социально-политического проекта. Отстаивая свои интересы, привычные устои хозяйственного и общественного бытия, крестьяне пытались воздействовать на власть. С одной стороны, это были попытки вступить с властью в диалог, опираясь на направляемые по инстанциям разного рода письменные обращения, прошения и т.д., с другой – солидарные действия, принимавшие форму коллективного или одиночного протеста против конкретных действий властей. Впрочем, по мере укрепления административно-политической системы колхозного строя и ужесточением репрессивной политики государства любые формы проявления недовольства и сопротивления в крестьянской среды были полностью пресечены.

Важнейшие процессы протекали в сфере общественно-политического сознания адыгского крестьянства. На фоне официальных пропагандистских компаний оно складывалось из реальной бытовой практики. Это обусловило формирование у ряда как негативистских, так и положительных представлений о советской власти, ее целях и задачах. Представления о власти были сильно персонифицированы, их составной частью были образы как рядовых представителей местной, областной администрации, так и вождей страны и революции – В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина.

Значительное место в политических представлениях крестьянства занимало пространство внешнего мира, которое аккумулировались в восприятии России и Советского Союза, зарубежного мира. В этом контексте можно рассматривать и этнические образы близких и дальних соседей,

сложившиеся в результате опыта взаимодействия адыгов с карачаевцами, балкарцами, русскими, ингушами и др.

Политическая культура адыгов требует дальнейших исследований, которые смогут представить этот феномен во всей сложности его исторического и этнокультурного развития.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ

Ислам в общественно-политической жизни адыгского аула // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 44. С. 48-53.

Старые и новые авторитеты в социальной жизни адыгском ауле (1920-е годы) // Ученые записки Российского государственного социального ун-та. 2012. № 1. С. 65-70.

Формы протестного поведения адыгского крестьянства в 1917-1920-х годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1, часть II. С. 29-34.

Представления о советской власти адыгского крестьянства в 1920-е годы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 6 (44). С. 213-219.

Адыги: между диаспорой и родиной (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Дагестанского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала, 2011. № 4. С. 13-18.

Социально-политические трансформации в адыгском ауле в 1920-х годах: гендерный аспект // Женщина в российской истории. 2011. № 3. С. 43-54.

Сельский сход в системе властных отношений в постреволюционном адыгском ауле (1920-е гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение». 2011. Вып. 2(80). С. 84-89.

Научное наследие Ш.Д. Инал-ипа в истории кавказоведения // Первые международные Инал-иповские чтения (Сухум. 9-12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 10-28.

Рец. на кн.: Иванцов И.Г. Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). Краснодар, 2009 // Отечественная история. 2011. № 5. С. 197-198.

Организация власти в постреволюционном адыгском ауле (1920-е годы) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010. Вып. 1. С.22-32.

Общественные конфликты в пореформенном адыгском ауле (1860-1880 годы) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 2010. № 3. С. 39-43.

С.А. Токарев: начало пути // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 31-47.

Женщина и политические изменения в адыгском ауле в 20-х гг. XX в. // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4. С.65-78.

Новые труды по кавказоведению // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 150-153 (в соавторстве).

Книга

Политическая культура адыгов. Вторая половина XIX в. – 1920- годы. Москва: ИЭА РАН, 2012. 339 с.

Раздел в книге

Соционормативная культура // Страницы отечественного кавказоведения / Ответ. ред. Н.Г. Волкова. М., 1992. С. 100-110.

Статьи в других изданиях

Кавказоведение в научном наследии Русского Зарубежья // Кавказские научные записки. 2010. – № 4. – С. 211-226

Російське кавказознавство: історія, проблеми та напрями // Народна творчість та етнографія. 2010. № 2. С. 26-29 (в соавторстве; на укр. яз.).

Адыгейцы. С.21-24; Адыги. С. 24-26 // Народы мира. Энциклопедия. М., 2007.

С.П. Басария: краевед, этнограф, педагог // Репрессированные этнографы. М.2005. С. 212-245.

Гражданский диалог на Кавказе: традиции, опыт, перспективы // Конфликт – диалог – сотрудничество. Бюллетень № 8. Проблемы гражданского диалога в регионах этнической напряженности. Москва, 2001. С. 37-54.

Власть и авторитет в современном адыгейском ауле // Расы и народы. М., 2001. Вып. 21. С. 128-169.

Рец. на кн.: Полиэтническое общество и конфликт. Тбилиси, 1998 // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 151-154.

Горный Кавказ: социально-экономические факторы этнической напряженности // Конфликт – диалог – сотрудничество. Бюллетень № 5. Социально-экономические основы этнополитических процессов в Российской Федерации. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2000. С. 25-31.

Рец. на кн.: Косиков И.Г. Косикова Л. Северный Кавказ. Социально-экономический справочник. М., 1999 // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 179-181

Идеология регионального интегризма в современном общественно-политическом сознании народов Кавказа // Конфликт-диалог-сотрудничество. Бюллетень. № 2. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2000. С. 23-34.

Рецензия на кн.: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998 // Отечественная история. 1999. № 3. С. 198-199.

Рецензия на кн.: С.Н. Жемухов. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997 // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 184-186 (в соавторстве).

Россия без Кавказа? Кавказ без России? // Стабилизация межэтнических и социокультурных отношений на Кавказе. М., 1999. С. 53-60.

Народы Кавказа: факторы отталкивания и силы притяжения // Москва-Кавказ: диалог культур. М., 1999. С. 19-26.

Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1. С. 134-151.

Г.Ф. Турчанинов и судьба его научного наследия // Г.Ф. Турчанинов. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. М., 1999. С. 240-249.

Е.Н. Кушева и русское кавказоведение XX столетия // Русско-чеченские отношения Вторая половина XVI-XVII вв. М., 1997. С. 396-416.

Рецензия на: Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1988. Вып. VIII // Советская этнография. 1990. № 1. С. 161-164.

Рецензия на: А.И. Мусукаев. Об обычаях и законах горцев. Традиционные и общественные институты в советской исторической науке. Нальчик, 1986 // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 188-193.

«Прекрасный обычай гостеприимства...» // Советская этнография. 1985. № 4. С. 110-120.

Этнографические сюжеты в трудах Ф.И. Леонтовича // Советская этнография. 1984. № 4. С. 81-93.

Абаза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. VIII. С. 141-166.

Подписано к печати 5.03.2013
Формат 60x84 1/16. Усл.-печ. 2,2 л.
Тираж 100 экз. Заказ № 5

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32 а.